

ЭНВЕРЪ-БЕЙ ПОДЪ ШАРКІОЕМЪ.

Сраженія съ 21-го по 29-е января 1913 года.

(Воспоминанія русскаго добровольца ¹⁾).

I.

Энергичный Энверъ-бей ²⁾ былъ главнымъ сторонникомъ продолженія войны послѣ двухмѣсячнаго перемирія. Онъ же былъ и организаторомъ низверженія министерства Кіамила-паши 10-го января, закончившагося убійствомъ главнокомандующаго Назима-паши. Новое правительство на Босфорѣ (младотурки) надѣялось не только отстоять Адрианополь, но

¹⁾ Авторъ участникъ послѣднихъ Балканскихъ войнъ, плѣнненія Яверъ-паши и сраженій десанта Энверъ-бей (у Шаркіоя), нынѣшняго военнаго министра Турціи. Онъ командовалъ 5½ мѣсяцевъ 10-й пѣхотной Прилѣвской дружиной.

²⁾ Нынѣшній военный министръ Энверъ-паша, авторъ многихъ переворотовъ Турціи, «завоеватель» Адрианополя 10-го іюля, «безъ выстрѣла», другъ Германіи, глава младотурокъ, подаетъ большія надежды современной Турціи на болѣе свѣтлое будущее.

и закончить кампанію, если не съ особенной выгодой для турокъ, то во всякомъ случаѣ съ минимальными уступками провинцій союзникамъ. Ни Янина, ни Скутари, ни Адрианополи еще не склоняли своихъ знаменъ предъ побѣдителями—союзными войсками.

Надежда на реваншъ вскорѣ выпукло проявилась въ заносчивости турецкихъ делегатовъ въ послѣдніе дни Лондонскихъ засѣданій мирной конференціи. Спѣшно заканчивалась группировка новыхъ корпусовъ на чаталджійскихъ и галиполійскихъ позиціяхъ.

Все это послужило поводомъ къ скорому открытію (21-го января 1913 г.) военныхъ дѣйствій второй половины 1-й Балканской войны.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что турки отлично сознавали, что имъ не удастся прорвать Чаталджійское полукольцо Радко-Дмитріева. Имъ оставался единственный путь, старый, испытанный историческій путь, который привелъ турокъ на Балканскій полуостровъ—это путь черезъ Галиполи-Булаиръ.

Намъ неизвѣстно, достаточно ли оцѣнила болгарская главная квартира стратегическое значеніе своего праваго фланга у Булаира и достаточны ли были силы IV арміи генерала Тодорова на этомъ флангѣ, состоявшей, кажется, только изъ 1½ дивизіи и плохо обученнаго, съ весьма скуднымъ кадромъ, отряда Македоно-одринскаго ополченія. Но судя по дѣйствіямъ турецкихъ силъ у Булаира и подъ Шаркіоемъ, турки надѣялись не только опрокинуть IV болгарскую армію, но и двинуться на помощь Шукри-пашѣ къ Адрианополю. И если этотъ планъ не удался имъ, то только благодаря случайностямъ, этимъ вѣчнымъ спутницамъ успѣховъ и неудачъ на войнѣ.

День 26-го января явится въ исторіи болгарской арміи слишкомъ памятнымъ—IV армія дрогнула. Турки обрушились цѣлой лавиной на ея лѣвый флангъ, смяли его и обошли въ тылъ, но случайно заблудившійся, кажется, 22-й пѣхотный полкъ, шедшій на поддержку лѣвому флангу, очутился въ тылу и на флангѣ этой лавины, бросился «на ножъ» и рѣшилъ день 26-го января въ пользу болгаръ. Смятые въ началѣ полки быстро воспользовались обстановкой, оправались и тоже пошли «на ножъ». Турки очутились въ коридорѣ огня и штыковъ и результатомъ ихъ смѣлаго выпада, кажется, единственнаго за всю кампанію, получилось полное ихъ пораженіе. Они оставили на полѣ брани около 8.000 человекъ убитыми. Остальные отступили за Булаирскія укрѣпленія и до конца войны обороняли неприступные форты укрѣпленнаго узкаго, въ шесть верстъ, перешейка Галиполійскаго полуострова.

Въ тотъ же день 26-го января, весьма удачно произвелъ десантъ Энверь-бей, предназначавшійся для соединенія съ обходной лавиной турокъ въ тылу IV болгарской арміи. Энверь-бей велъ 30.000-й корпусъ. И если бы этотъ планъ (Энверь-бея или командовавшаго Галиполійской арміей Торгутъ-паши) удался, результаты Балканской войны, надо полагать, получились бы совершенно иные.

Но предоставимъ историку этой войны дѣлать предположенія и выводы относительно 26-го января 1913 года и, не разбирая дѣйствій главныхъ силъ IV арміи, постараемся дать описаніе видѣннаго на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этой арміи, описаніе десанта Энверь-бея и жестокаго сраженія за Шаркіой, боя далеко неравныхъ противниковъ, боя турецкаго флота съ малочисленнымъ отрядомъ Македоно-одринскаго ополченія, не имѣвшаго ни одного гаубичнаго или даже легкаго полевого орудія.

Между прочимъ, въ этомъ бою принялъ участіе и русскій взводъ десятой Прилѣпской дружины, горсточка русской молодежи, добровольцевъ въ числѣ тридцати двухъ человекъ. Они достойно держали себя въ бою подъ Шаркіоемъ и вполне поддержали репутацію своихъ славныхъ предковъ на Балканахъ.

Наканунѣ 21-го января, открывшаго военныя дѣйствія второй половины 1-й Балканской войны, болгарскія арміи занимали слѣдующее положеніе.

II армія генерала Иванова стояла съ сербскими двумя дивизіями вокругъ Адрианополя; I армія генерала Кутинчева и III армія героя войны генерала Радко-Дмитріева бодрствовали противъ Чатадджи. На Галиполійско-Булаирскомъ фронтѣ стояла IV армія генерала Тодорова.

Демаркаціонная линія на этомъ фронтѣ шла отъ дер. Коджа-Чешме на Саросскомъ берегу мимо села Урша по глубокому оврагу Кавака, мимо деревень Гюльчукъ, Я-якюй, Юрдекъ (или Юруцы) и до города Хора на Мраморномъ морѣ. Армія располагалась отъ Саклы до Урши, имѣя штабъ арміи въ гор. Малгара (см. планъ).

Лѣвый флангъ IV арміи составлялъ причисленный къ ней отрядъ генерала Генева ³⁾, состоявшій изъ 12-ти пѣхотныхъ дружинъ (баталіоновъ), 4-хъ и 5-ти-ротнаго состава, 3-хъ нескорострѣльныхъ и 2-хъ скорострѣльныхъ горныхъ батарей и $\frac{1}{2}$ -эскадрона 9-го кавалерійскаго полка.

³⁾ Начальникъ Македоно-одринскаго ополченія генералъ Никола Гёневъ—воспитанникъ русской Офицерской стрѣлковой школы, выпуска 1885 года, герой Шипки, кавалеръ орд. «за храбрость».

округовъ упомянутыхъ провинцій группировались эти дружины. Преобладающее большинство добровольцевъ-эмигрантовъ давало имя своей дружинѣ.

Эти дружины слѣдующія:

1) Дебрская	}	1-я бригада подполковникъ Николовъ.
2) Скопская		
3) Солунская		
4) Битольская		
5) Одринская	}	2-я бригада подполковникъ Пчеларовъ.
6) Охридская		
7) Кумановская		
8) Костурекская		
9) Велеская	}	3-я бригада подполковникъ Протогеровъ.
10) Прилѣпская		
11) Сѣрская		
12) Лозенградская		

Начальникъ штаба ополченія майоръ Дервинговъ ⁴⁾).

Ополченіе имѣло слишкомъ скудный кадръ начальствующихъ лицъ отъ отдѣленнаго до ротнаго командира включительно. Два-три рядовыхъ дѣйствительной службы, одинъ или два унтеръ-офицера отдаленнаго запаса и въ лучшемъ случаѣ одинъ заурядъ-прапорщикъ (изъ фельдфебелей запаса) въ должности ротнаго командира, вотъ весь строевой начальствующій составъ роты. Большинство должностей какъ строевыхъ, такъ и нестроевыхъ ротъ, вродѣ: командировъ отдѣленій, взводовъ, нестроевой роты, адъютанта, казначея, завѣдывающаго продовольствіемъ («перехраната») и т. д., занимали тѣже добровольцы, но совершенно незнакомые ни съ военной службой, ни съ дѣлопроизводствомъ и хозяйственной частью. Въ 10-й Прилѣпской дружинѣ адъютантомъ былъ сельскій учитель, командиромъ нестроевой роты—учитель математики женской гимназіи, «перехраната» (завѣдывающій хозяйствомъ)—строитель, подрядчикъ и т. д. Дружины имѣли управленіе самостоятельныхъ отдѣльныхъ частей.

Дружины Македоно-одринскаго ополченія насчитывали отъ 800 до 1.000 ополченцевъ-добровольцевъ. Вооруженіе было Манлихеровская винтовка (австрійскаго образца). Каждый ополченецъ несъ съ собой 150 патроновъ. Громадное большинство дружинниковъ впервые держало винтовку въ своихъ рукахъ. Выдача ружей на руки состоялась на походѣ, въ Тырновѣ-Сейменѣ, за недѣлю до встрѣчи съ противникомъ.

⁴⁾ Болгарскій военный писатель. Окончилъ академію генеральнаго штаба въ Италиі.

II и III бригады ополченія получили винтовки 29-го октября, а вступили въ сраженіе 4-го ноября. Приходилось на походѣ вести самый ускореннѣйшій курсъ обученія (недѣльный) по ознакомленію съ винтовкой и правилами стрѣльбы. Къ вооруженію ополченцевъ нужно отнести и имѣвшіяся на ихъ рукахъ такъ называемыя «македонскія» ручныя гранаты, шарообразной формы, безопасныя для храненія и носки, но съ сильно разрушительнымъ взрывчатымъ составомъ ⁵⁾.

Полевому уставу (развѣдкѣ, охраненію и встрѣчѣ съ противникомъ) обучались основательно на самомъ походѣ, практически. Но роковая дѣйствительность вскорѣ помогла дружинамъ на дѣлѣ, фактически, изучить сущность военной службы въ мелкихъ стычкахъ и крупныхъ сраженіяхъ съ турецкими отрядами отъ Родопъ до Гюмуджины и отъ Деде-агача до Шаркіоя.

Двухнедѣльное «напорное» движеніе этого ополченія и появленіе кавалерійской бригады полковника Танева (три полка по три эскадрона каждый) принудили Яверъ-пашу сдаться при Феррѣ съ 10.000 отрядомъ, четырьмя стами офицерами и двумя скорострѣльными горными батареями.

Моральное состояніе ополченцевъ было очень хорошее; какъ во время форсированныхъ маршей (нерѣдко до 50 километровъ въ сутки), такъ и во время биваковъ и сраженій, добровольцы, молодые и старики, соблюдали полный порядокъ, подчиненность и храбрость, не допускавшіе желать лучшаго. Никакая строгая дисциплина, ни методъ обученія не въ состояніи выработать такого бодрого, выносливаго, послушнаго, готоваго на всякія жертвы, солдата, какимъ оказались ополченцы генерала Генева.

Безмолвное перенесеніе лишеній непривычной походной жизни при особенно плохихъ условіяхъ, въ какихъ велась послѣдняя Балканская война, отсутствіе одежды (всѣ были въ вольныхъ или импровизованныхъ «военныхъ» формахъ), отсутствіе обуви (са-

⁵⁾ Болгарія открыла кампанію, имѣя въ наличности только 380.000 винтовокъ, говорилъ мнѣ одинъ болгарскій капитанъ, хорошо знакомый съ этимъ вопросомъ. Она не могла вооружить всю мобилизованную армію. 50.000 винтовокъ были куплены во время войны. Изъ нихъ и были вооружены II и III бригады добровольческаго ополченія въ Тырновѣ-Сейменѣ, куда были доставлены по желѣзной дорогѣ спѣшно. Значитъ Болгарія провела войну съ 130.000 винтовокъ. Отвѣтственность за точность этихъ данныхъ оставляю за болгарскимъ капитаномъ. Я сдѣлалъ пропускъ о вооруженіи первой бригады. Эта бригада вооружилась въ Лозенградѣ винтовками убитыхъ и раненыхъ, причѣмъ винтовки ей достались безъ штыковъ (ножей). Но несмотря на совершенное отсутствіе ножей, эта бригада не разъ бросалась «на ножъ» и стяжала геройскую славу за Шаркіойскій бой.

мое большое зло для солдата), палатокъ, походныхъ кухонь, вообще плохая организація хозяйственной части въ дружинахъ, даже отсутствіе какой бы то ни было пищи въ теченіе двухъ-трехъ дней, наконецъ, тихое принятіе смерти въ бою, безъ стона или крика при полученіи тяжелыхъ ранъ,—все это ставить македоно-одринскихъ добровольцевъ на очень высокую степень идеальнаго солдата. Неограниченное довѣріе и чисто любовное уваженіе къ начальнику, сознание высшаго долга, всегдашняя готовность кинуться въ бой, все это, мнѣ кажется, являлось результатомъ сознательной любви къ родинѣ.

Очень можетъ быть, что такой подъемъ духа былъ вызванъ особенностью, психологіей этой войны, незавиднымъ положеніемъ, до полнаго рабства, ихъ родины (Македоніи и Адрианопольскаго вилайета), пяти-вѣковымъ невыносимымъ турецкимъ игомъ.

Быть можетъ на общую массу вліяли и опытные старые четники, не разъ сражавшіеся съ турецкими отрядами въ горахъ Македоніи за послѣднее десятилѣтіе, до Балканской войны. Четниковъ было сравнительно немного, около 10—15 человекъ на роту. Два бригадныхъ командира (Николовъ и Протогеровъ), большинство дружинныхъ и ротныхъ командировъ и начальникъ штаба ополченія Дервинговъ тоже не разъ четничали въ Македоніи.

Возрастъ добровольцевъ былъ средній, съ 20 до 40 лѣтъ, но попадались юноши въ 15 и старики въ 60 лѣтъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, походомъ шли подтянуто, бодро (первый мѣсяць прошли около 800 километровъ), съ пѣснями и съ страстнымъ желаніемъ побѣдить врага и увидать родину свободной. Нѣкоторые старики были съ сыновьями и даже внуками. На вопросъ, зачѣмъ на старости лѣтъ пошли добровольно въ ополченіе, отвѣчали, что если и убьютъ ихъ, за то дѣтямъ будетъ хорошо жить, когда не будетъ турокъ.

И дѣйствительно, въ сраженіяхъ старики не отставали отъ молодыхъ и также старались быть въ первыхъ рядахъ при атакахъ. Въ этнографическомъ отношеніи всѣ дружины состояли изъ элемента, сознающаго себя и называвшаго себя *бопарами*.

Чтобы закончить краткій очеркъ состава ополченія, надо сказать нѣсколько словъ и объ участіи въ немъ другихъ націй. Въ 12-й дружинѣ была составлена цѣлая рота изъ мѣстныхъ (т.-е. живущихъ въ Болгаріи) армянъ, изъ турецкой Арменіи и русскихъ армянъ съ Кавказа. Въ 10-й дружинѣ участвовалъ взводъ русскихъ добровольцевъ, большею частью учащейся молодежи. Этотъ взводъ тѣсно сплотился, дружно жилъ и доставлялъ удовольствіе всему

ополченію при пѣніи въ походѣ и на стоянкахъ заливчатскихъ народныхъ и солдатскихъ русскихъ пѣсень, знакомыхъ старикамъ-ополченцамъ по Освободительной войнѣ 1877—8 годовъ. Русскій взводъ пользовался особымъ вниманіемъ и уваженіемъ и былъ ба- лованное дитя ополченія. Если для большинства чего нибудь не хватало, то по бригадѣ приказано было—русскому взводу выдавать при всякой получкѣ (всегда скудной) въ первую голову.

Кромѣ того въ ополченіи было нѣсколько десятковъ добровольцевъ остальныхъ славянскихъ народностей, какъ-то: чеховъ, словаковъ, поляковъ, словинцевъ и хорватовъ. Было даже два англичанина и одинъ швейцарскій сержантъ, командовавшій ротой «юнаковъ», составившейся изъ молодежи гимнастическихъ обществъ разныхъ городовъ Болгаріи (въ той же 12-й дружинѣ).

Считаю не лишнимъ сказать, что въ ополченіи принимали участие одинъ русскій врачъ-доброволецъ Мнацакановъ и семь русскихъ отставныхъ офицеровъ: подполковникъ Пеленбергъ (командиръ 1-й дружины), поручикъ Парфененко (убитъ при Феррѣ), подпоручикъ Касперовичъ, поручикъ Джанкозовъ (артиллеристъ), прапорщики Ржевскій и Векшинъ и я, проведеній около шести мѣсяцевъ въ ополченіи (офицеры вышли со службы въ апрѣлѣ 1913 г. и вернулись въ Россію).

Македоно-одринское ополченіе въ періодъ перемирія съ начала декабря 12-го года и до 20-го января 13-го года составляло лѣвый флангъ IV арміи и охраняло все побережье Мраморнаго моря отъ Родосто до Ганоса включительно. Штабъ ополченія стоялъ въ Айнарджикѣ, а дружины располагались въ Панадосѣ, Ашикларѣ, Яникіоѣ, Ганосѣ, Авдинѣ, Мусалѣ и Юруцахъ. Всѣ эти города и селенія входили въ районъ, сильно пострадавшій отъ землетрясенія 28-го іюня 1912 года. Цѣлые кварталы въ городахъ и даже большинство селеній представляли собою груды развалинъ и камней. По улицамъ невозможно было двигаться, ибо были загромождены камнями, штукатурками, черепицами крышъ и т. п.; уцѣлѣвшіе дома зіяли трещинами. Наступившіе небывалые въ этой полосѣ морозы и отсутствіе печей въ домахъ доставляли массу огорченій начальству и ротамъ ополченія. Извѣстія, идущія изъ Лондона, о затяжкѣ хода мирныхъ переговоровъ еще болѣе портили общее настроеніе.

II.

Когда, наконецъ, выяснилось, что турецкіе представители и делегаты союзниковъ на Лондонской конференціи ни на іоту не уступаютъ въ своихъ максимальныхъ требованіяхъ, и что дальнѣйшіе переговоры нисколько не измѣнятъ положенія, изъ главной болгарской квартиры объявили, что считаютъ перемиріе конченнымъ, и 20-го января арміямъ отданъ былъ приказъ продолжать наступленіе.

Въ тотъ же день нейтральный городъ Хора былъ занятъ 1-й Дебрской дружиной (подполковникъ Пеленбергъ). Точно такъ же вся линія Кавака-Хора была пройдена передовыми частями IV арміи. Турки отходили, поддерживая свое отступленіе слабымъ огнемъ.

21-го января все ополченіе выступило со своихъ квартиро-биваковъ, стягиваясь по направленію къ высотамъ Св. Іліи, за которыми могли оказаться сильные турецкіе отряды. Взято было на рукахъ хлѣба на 4 дня, что было крайне тяжело для ополченцевъ.

Погода первые два дня сильно испортилась, шелъ мокрый снѣгъ, временами одинъ дождь. Глинистая, вязкая, липкая почва затрудняла движеніе. Отъ Кумбага и Ашиклара поднимался массивъ Такиръ-Дага съ крутыми скатами и труднопреодолимыми козьими тропинками, занесенными снѣгомъ предыдущихъ недѣль. Эти тропинки и размокшая, отъ тающаго снѣга въ горахъ, глина являлись чистымъ наказаніемъ не только для навьюченныхъ орудіями, хозяйствомъ и «боевымъ обозомъ» (патроны и снаряды), лошадей, но и для людей, вязшихъ мѣстами, буквально, по колѣно въ липкую грязь. Иногда спуски и подъемы доходили до 50° уклона. Кромѣ того, нѣкоторымъ дружинамъ приходилось проходить черезъ колючій мѣстный кустарникъ, тоже не мало затруднявшій движеніе вьючныхъ обозовъ.

Наступленіе велось по разнымъ путямъ колоннами, по-дружинно, а не цѣльными бригадами—для удобства расположенія на ночлегахъ и въ виду спѣшности движенія къ сторонѣ непріятеля. Но описанныя выше естественныя преграды (подъемы, грязь и потоки разлившихся горныхъ ручьевъ) препятствовали быстрому движенію, что особенно чувствовалось для дружинъ, выступившихъ съ крайнихъ пунктовъ (Айнарджикъ, Панадось), невыполнившихъ на 2-й день, 22-го января, въ точности своего маршрута. Скорость передвиженія дружинъ доходила временами до 1 ½ — 2 верстъ въ часъ.

Движеніе въ горахъ частыми сопками и несоответственными нашему движенію кривыми направленіями отроговъ горъ мѣшало или, скорѣе, не позволяло поддерживать никакой связи между отдѣльными эшелонами по фронту (разстоянія доходили до 10 верстъ). Спѣшное же движеніе переднихъ дружинъ и часто мѣнявшееся ихъ направленіе, согласно создававшейся 22-го января обстановкѣ, не позволяло имъ оставлять за собою ориентировочныхъ маяковъ или указателей; поэтому связь и въ глубину часто прерывалась.

22-го января: 1-я бригада, бывшая раньше другихъ въ сборѣ, маневрировала между городами Стерна-Каламица и Меріюфте. Открытому занятію Меріюфте и Гераклицы мѣшали два турецкихъ крейсера, подъ прикрытіемъ которыхъ отступали пѣхотныя части къ Шаркію. Крейсера вели стрѣльбу по всѣмъ замѣчаемымъ колоннамъ и взводамъ. Подъ Меріюфте, разорвавшимся снарядомъ, убитъ ротный командиръ поручикъ Петровъ и нѣсколько ополченцевъ. Болгарская горная батарея пыталась своимъ огнемъ прогнать оба крейсера, но неудачно. Къ вечеру линія Гераклица—Св. Ілія была въ рукахъ болгаръ. Въ Меріюфте и Гераклицу вопли все-таки по одной полуротѣ.

23-го января: всѣ дружины Македоно-одринскаго ополченія были собраны на высотахъ Св. Іліи. Когда 10-я Прилѣпская дружина поднималась отъ д. Я-якіюй на гору Св. Іліи (около 9 час. утра), до насъ стали долетать гулы отдаленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ. Это шелъ бой за Шаркію.

Когда мы дошли до водораздѣла выс. Св. Ілія, предъ нами открылась чудная панорама: видъ на Мраморное море съ живописнымъ берегомъ, окаймленнымъ въ видѣ подковы системой галлиполійскихъ горъ, заканчивающихся огромной горой Св. Іліи. На берегу красовались города Меріюфте, Гераклица и Шаркіюй. Вдали виднѣлся мысъ Бурну, надъ которымъ возвышался отвѣсный и высокій берегъ полуострова. Погода измѣнилась, показалось солнце и насъ согрѣло.

Предъ Шаркіюемъ стояли почти вплотную, близко къ берегу, четыре крейсера, а вдоль берега дымились два миноносца противъ Меріюфте и Гераклицы. Четыре крейсера почти непрерывно, а миноносцы изрѣдка стрѣляли по появляющимся цѣлямъ, состоявшимъ изъ нашихъ передовыхъ ротъ съ ихъ мѣрами охраненія. По огнямъ и доходящимъ до насъ звукамъ разстояніе было около 7—8 верстъ. Показавшаяся на одномъ гребнѣ надъ Гераклицей дружина 1-й бригады вызвала частый огонь со всѣхъ пароходовъ, но бы-

строе стягиваніе за скатомъ спасло дружинну отъ большихъ потерь. Тѣмъ не менѣе орудія долго обстрѣливали этотъ хребетъ.

Мѣстность отъ главной полуокружности спускалась къ морю на нѣтъ вольнообразными холмами, отдѣльными горами, отлогими скатами, вообще съ прекрасными подступами и съ обильными мертвыми для насъ пространствами, позволяющими безнаказанно приближаться къ Шаркію отъ 1 до 2 верстъ.

Какъ только мы поднялись на линію Св. Іліи и 10-я Прилѣпская дружина сомкнулась въ резервной колоннѣ, русскій взводъ спѣлъ молитву: «*Спаси Господи*». Дружина, привыкшая къ общему пѣнію, поддержала хоромъ молитву. Далеко разносилась молитва при гулѣ пушечныхъ орудій. Наше пѣніе, по словамъ другихъ дружинъ, произвело сильное впечатлѣніе на болгаръ ⁶⁾.

Въ 10 часовъ утра получился приказъ о наступленіи на Шаркію.

Наступленіе шло «двумя крылами». Со стороны Св. Іліи надъ Гераклицей двигалась 1-я бригада, а со стороны Гюльчука—2-я бригада. Наша 3-я бригада была назначена въ маневренную часть (т.-е. общій резервъ) и стала уступами между первыми двумя бригадами.

Въ теченіе дня по Мраморному морю со стороны Дарданельскаго пролива прошло мимо насъ болѣе 40 пароходовъ. Нѣкоторые возвращались обратно. За дальностью разстоянія (около 25 верстъ) наблюденіе за пароходами было трудное, а на появленіе большого количества судовъ, кажется, никто не обратилъ вниманія.

Стрѣльба съ крейсеровъ продолжалась до вечера. Долетавшіе до насъ снаряды свидѣтельствовали, что стрѣляли изъ орудій большого калибра.

Переднія роты обѣихъ бригадъ ограничились подходомъ на 1¹/₂ версты къ Шаркію, гдѣ окопались и остались въ выжидательномъ положеніи всю ночь. Остальныя роты и наша бригада ночевали на позиціяхъ. Ночью прожекторы судовъ освѣщали мѣстность, а подъ прикрытіемъ темноты взяты были небольшія пѣхотныя части на шлюпкахъ.

⁶⁾ По просьбѣ самихъ ополченцевъ изъ нестроевой (хозяйственной и обозной) роты былъ составленъ въ 10-й дружинѣ отдѣльный взводъ, примкнувшій къ боевому порядку дружины. Нужно было видѣть радостныя лица казначея (директора гимназіи Душева), завѣдывающаго «прехраната» (строителя А. Попова), сельскаго учителя Крестева и др., чтобы имѣть представленіе о томъ матеріалѣ, который составлялъ наше ополченіе.

24-го января: крейсеровъ и миноносцевъ уже не было видно, они на разсвѣтъ исчезли съ горизонта. 1-я бригада свободно вошла въ Шаркію. Задача ополченія, казалось, была кончена. Дружины въ полдень получили приказъ занять ближайшія села и мѣстечки.

Въ Шаркію были оставлены 2-я и 4-я дружины, 1-я и 3-я дружины были назначены къ Меріюфте и Штернѣ. Вся 2-я бригада—въ Меріюфте, Каламицѣ, Штернѣ и Ченгерли. Наша 3-я бригада должна была занять Авдинъ (9-я друж.), Ганось (10-я друж.) и Хора (11-я друж.). 24-го ночевали въ промежуточныхъ пунктахъ. 12-я дружина была оставлена при штабѣ ополченія въ Штернѣ.

25-го января: дружины продолжали движеніе и занимали свои мѣста назначенія для стоянокъ. Было разставлено сторожевое охраненіе вдоль всего берега Мраморнаго моря, отъ Авдина до Шаркіюя. За Шаркіюемъ и за мысомъ Бурунь охраненіе возлагалось на кавалерійскія части IV арміи. Приступлено было къ тому, чтобы войти въ непрерывную связь съ лѣвыми частями IV арміи, но, кажется, до конца доведено не было. Отъ Авдина по берегу до Родосто охраненіе и наблюденіе за моремъ возложено было на 27-й и 28-й пѣх. полки (II пѣх. дивизіи).

26-го января: дружины III бригады ополченія отъ Авдина до Хора выбрали удобныя позиціи, намѣчали мѣста для фортификаціоннаго усиленія ихъ и распредѣляли участки между ротами. Шли подготовительныя работы снятіемъ кроки и соображеніями о работахъ послѣдующихъ дней. Ничто, казалось, не внушало какихъ бы то ни было опасеній.

10-я Прилѣпская дружина была поставлена въ Ганось. Позиція этой дружинѣ была назначена отъ Ганоса до Хора (4 версты). Около 12 часовъ дня осмотръ позиціи былъ оконченъ, мѣста намѣчены и я зашелъ въ Хора, къ командиру 2-й Сѣрской дружины (капитану Зографову) условиться насчетъ связи и границъ участковъ.

Везенковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

